Разложение (1)

Тома просматривал последние финансовые отчеты аббатства сидя в своём кабинете.

«Отчёт... не сходится с реальностью».

Деньги определенно пропали. Сколько бы раз он ни перепроверял, больше половины пожертвований исчезло. Единственный вывод, к которому он мог прийти, — это очередной случай воровства.

'Снова Брат Фарон...?'

У Томы были сомнения. У Фарона не было никаких причин повторять своё преступление.

«Я должен сам разобраться в происходящем».

Тома поднялся со своего места и быстро направился в часовню. Когда он вошел, его встретила слишком знакомая картина. Все собрались толпой вокруг двух кричащих мужчин.

«Разве это не ты снова украл пожертвования?! Я видел тебя!»

«О чем ты говоришь? Я украл пожертвования...? Ложь! Я сказал что-то только потому, что видел, как ты взял их! А теперь ты пытаешься переложить преступление на меня!»

Пока перебранка не сбавляла оборотов, Тома услышал, как две монахини возле двери перешептываются между собой.

«Это снова был Брат Фарон...?»

«Да, я сама всё видела».

«О Боже, как бесстыдно!»

Тома про себя вздохнул. Было очевидно, что с пожертвованиями опять что-то случилось.

'Неужели Брат Фарон и правда снова украл пожертвования!'

Тома протиснулся сквозь толпу и разнял двух препирающихся мужчин.

«Пожалуйста, прекратите ссориться, вы двое. Что на этот раз?»

«Брат Фарон снова украл деньги! Пожертвования аббатства!» — сразу же закричал молодой монах.

Услышав это, Тома издал стон, но взволнованный Фарон искренне замотал головой, отрицая эти слова.

«Нет, Брат Тома! Это я видел как он взял деньги! Я собственными глазами видел, как этот ублюдок взял деньги из ящика для пожертвований, поэтому я тихо предупредил его, чтобы он вернул то, что взял! Но вместо этого этот ублюдок вдруг…!»

Тома удивленно заморгал. Конечно, отрицание Фарона нельзя было просто принять за чистую монету, но он звучал куда более искренне, чем в прошлый раз. Казалось, что он не притворяется, а на самом деле является жертвой. Его голос, возможно, и звучал панически, но он искренне умолял признать его невиновность. Взгляд Фарона не дрожал, как раньше. Чтобы быть абсолютно уверенным, Тома заглянул в его душу и увидел, что она голубая. Это была душа, незапятнанная ложью. Фарон говорил правду.

Тома не смог скрыть своего удивления.

'…Это был не Брат Фарон?'

«Тогда кто…?»

Вся эта ситуация начала казаться ему слишком подозрительной.

«Хаха, ну да, точно! — воскликнул молодой монах. — Должно быть, я ошибся. Брат Фарон не стал бы совершать одно и то же преступление дважды».

Гнев молодого монаха испарился в мгновение ока, и теперь он внезапно стал противоречить самому себе, оставляя Тому в полном замешательстве. Его дыхание было прерывистым, губы потрескались, а на лбу выступил пот. Молодой монах в считанные секунды превратился из уверенного обвинителя в нервного преступника.

Тома наконец взглянул на душу юноши. Она была окрашена в красный цвет.

«Это неправда! — крикнул Фарон. — Я видел, как этот ублюдок брал деньги и остановил его! Этот мальчишка разыгрывает спектакль! Брат Фома! Пожалуйста… пожалуйста, поверь мне!»

Тома услышал его мольбы и оглядел толпу, окружавшую их. Большинство монахов и монахинь отводили взгляд. Они боялись встретить взгляд бывшего Героя. Их тревога была ощутима. Все они нервно ерзали на месте.

Молодой монах приблизился к Томе.

«Ха, понятно. Да, да! Теперь я понимаю. Тск…! Брат Фома, мы должны просто опустить этот инцидент».

«Э-э?»

«Поскольку во всем опять виноват Брат Фарон… мы должны просто сделать вид, что ничего не произошло. Будет неприятно, если проблема станет больше, чем она есть», — прошептал на ухо Томе юноша с красной душой.

'Что… что вообще говорит этот парень? Он хочет сделать вид, что ничего не произошло? Какое преступление совершил Брат Фарон…?'

Вокруг начали переговариваться остальные монахи и монахини.

«Да, виновник снова Брат Фарон».

«Должно быть так и есть».

«Я тоже его видел. Это Брат Фарон украл пожертвования».

Они все лгали. Тома не мог скрыть своего смятения.

«Почему вы все лжёте?»

Все замерли, удивлённые его вопросом. И все же никто из них не мог даже посмотреть ему в глаза.

«Давайте остановимся на этом! — взмолился молодой монах. — Мы все устали от этого. Из-за такой мелочи…!»

От чего они устали? Что наполняло их таким недовольством? Что их так…

На Тому снизошло внезапное озарение.

«Почему вы все… решили украсть пожертвования?» — последнюю часть слов он пробормотал себе под нос.

Виновником был не Фарон. Скорее, все остальные здесь были настоящими ворами. Тома знал об этом. Они сговорились, солгали и подвергли остракизму несчастного, чтобы совершить это злодеяние.

'Это неправильно! Вы все знаете, что это неправильно!'

Прежде чем эти слова успели сорваться с его губ, в дверь часовни ворвалась монахиня.

«Брат Тома! П-прибыл… прибыл Папа С-салем!»

***

Папа Салем Готтшуранш осмотрел кабинет. Он провел указательным пальцем по покрытому пылью столу Томы, нахмурившись от большого количества грязи, прилипшей к пальцу. Салем вытер палец носовым платком и бросил его в мусорную корзину. Тома, сидевший по другую сторону стола, наконец нарушил молчание.

«Давно не виделись, Ваше Святейшество. Что привело вас в этот захолустный край…?»

«И правда давно, Господин Герой. Вы довольно сильно постарели», — с улыбкой ответил Салем.

«То же самое можно сказать и о вас, Ваше Святейшество».

Салем несколько раз корректировал свою позу, пытаясь поудобней устроиться на жестком стуле.

«Ах… В прошлом я бы счел это кресло более удобным, чем большинство других. Это немного неловко. Похоже, я слишком привык к роскоши, которая сопутствует статусу Папы; плюшевые кресла — один из примеров…»

«В самом деле?»

«Не будь со мной таким формальным. Разве ты не Герой прошлого? Я всего лишь скромный священник».

Фома почесал затылок.

«Я всего лишь очередной простой человек, а Господин Салем теперь Его Святейшество Папа».

«Тем не менее, я буду чувствовать себя более комфортно, если ты проигнорируешь подобные формальности».

«Хорошо, Ваше… Нет. Угх. Ладно».

«Неловко, не так ли?» — с усмешкой спросил Салем.

«Ну, тут ты прав. Это и правда неловко».

Тома притворно улыбнулся, а Салем кивнул в знак согласия.

«Ну, как есть. В конце концов, контраст и правда на лицо. Один когда-то был Героем, но стал обычным монахом в каком-то захолустном аббатстве. Другой был простым человеком, но в итоге поднялся на вершину иерархии Церкви и стал править континентом».

Чем больше говорил Салем, тем неуютней чувствовал себя Тома.

Бывший Герой молча слушал слова текущего Папы.

«Если посмотреть на ситуацию с другой стороны, кажется, что где-то есть Бог, направляющий нас. Нет, он точно есть… — Салем улыбнулся. — Он всегда следил за нами, одаривая своих верующих маленькими чудесами. Хотя, похоже, только избранные Им могут пожинать плоды этих чудес. Например, не такие, как ты, а кто-то вроде меня».

Тома нахмурился.

«Салем, о чём ты вообще…»

«Это просто бред стареющего человека! — воскликнул Папа. —Зачем слушать его с такой серьезностью?»

Салем повернулся, чтобы посмотреть в окно офиса. Он мог видеть детей, играющих на улице.

«Сколько детей живёт в этом аббатстве?»

Услышав вопрос, ознаменовавший смену темы, Тома облегчённо вздохнул и ответил.

«Восемь».

«О, это довольно много, — Салем задумался. — Кому-нибудь из них уже есть больше тринадцати...?»

«...Да, троим», — заставил себя ответить Тома, даже зная, что будет дальше.

«Тогда им пора начать платить налоги».

Лицо Томы застыло.

«Налоги этого аббатства уже просрочены на четыре месяца. Другие церкви и аббатства платят вовремя, единственным исключением является твоё аббатство. Это все усложняет. Фактически, этот вопрос тяжёлым камнем давит мне на сердце. Если другие священники заметят это, они могут начать подозревать, что между тобой и мной существуют нечистые отношения. Как Папа, я должен относиться ко всем справедливо. Обычно расследование проводится после месяца или двух пропущенных платежей. Я специально откладывал этот вопрос, но... не знаю, возможно ли делать так и дальше».

Тома сцепил руки вместе, прежде чем жалостливо произнести.

«Салем, наше нынешнее состояние плачевно. Конечно, я знаю, что необходимо платить налоги и пожертвования. Я знаю, что эти средства служат более важной цели, но... не кажется ли тебе, что бремя стало слишком тяжелым? Налоги слишком высоки. Мы также просим очень много пожертвований. Наше аббатство расположено в лесу, далеко от столицы. Здесь много диких зверей, и время от времени появляются демоны. Те немногие посетители, которые приходят сюда, все пожилые люди, и их здоровье с каждым разом только ухудшается. Этим людям невозможно и платить налоги, и делать надлежащие пожертвования...»

«Довольно дерзко, не так ли?» — усмехнулся Салем.

«Что?»

Тома потрясенно посмотрел на Салема.

«Нет, я говорю не о тебе, Господин Герой, а о подданных, о которых ты говоришь. Королевство получает налоги и пожертвования от своих подданных. Королевство должно двигаться вперед. Ты как никто другой должен это понимать. Подданные Королевства существуют только до тех пор, пока существует само Королевство. Однако... Ты не находишь это странным?» — Салем начал барабанить пальцами по столу.

«Мы защищаем их от чудовищ и демонов», — он улыбался, но Тома не видел тепла в его глазах. — Мы раздаем им еду зимой. Предоставляем им теплое место для сна. Кормим их, чтобы они не умерли с голоду. Мы защищаем их от всего злого и от тех, кто желает им зла. Все жертвы несправедливости защищены нами, нашими законами, а эти простые крепостные хотят, чтобы

им снизили налоги? Они просят нас прекратить собирать все деньги, которые мы тратим на них? Ублюдки… они хоть понимают своё собственное положение?»

«Ну… они не просят отменить налоги, только снизить, — взмолился Тома. — С твоей властью, что-то вроде снижения налогов или пожертвований…»

«Хахаха, — с издёвкой рассмеялся Салем, считая эту идею просто нелепой. — Налог составляет всего 40%. Мы даже не просим половину денег, которые вы зарабатываете. Я не могу понять, в чем здесь проблема?»

Тома держал язык за зубами, но он знал правду. Налог составлял 40% только на словах. В месте с ежедневными пожертвованиями в церковь большинство людей были вынуждены отдавать более 50% своего заработка.

«Неужели все действительно не имеют ни малейшего понятия, куда идут их налоги? Неужели люди в недоумении ломают голову над тем, на что идут их пожертвования? Да, часть средств идет на нужды священников и дворян, работающих на благо Королевства, но этого и следовало ожидать. У нас есть много других применений для этих денег, например, помощь детям, потерявшим родителей, — Салем становился все более раздраженным по мере того, как продолжалась его тирада. — Посмотрите на это аббатство! Святое Королевство продолжает снабжать всех вас провизией, несмотря на то, что вы не платите то, что должны. Мы проявляем такую благосклонность, чтобы эти несчастные души могли продолжать есть теплую пищу и спать в теплых постелях!»

Томе становилось ясно, что его слова не доходят до Папы.

«Салем, все, что я пытаюсь сказать…»

Внезапный громкий хлопок прервал его. Салем ударил кулаком по столу.

«Тома», — Старый Папа переплел пальцы.

Он улыбался. Это была мягкая улыбка, но Фома видел всё, что было за её фасадом. Глаза Салема таили в себе зловещие эмоции.

«Когда-то давно я разводил домашних животных. Таких, как собаки, кошки, и тому подобных зверей».

Озадаченный внезапной сменой темы, Тома молчал.

«Я очень дорожил и любил их всех очень-очень сильно. Я кормил и гладил их каждый день. И благодаря тому, что я делал всё это, они выполняли все мои команды. Видя, что эти милые простаки выглядят такими счастливыми, я не мог не продолжать вливать в них свою

любовь, — улыбка Салема медленно превращалась в недовольства гримасу.

«Но, знаешь что? Знаешь что?! — в следующий момент он резко изменился. Теперь глаза Салема были наполнены яростью и злобой. — Оказывается, те питомцы, которых я вырастил, других слушались также хорошо, как и меня. Знаешь, почему? Всё потому, что другие тоже кормили и гладили их за то, что они милые. Их преданность мне была настолько непостоянной. Эти глупые ублюдки позабывали, кто их настоящий хозяин, и начали слушаться других людей».

Салем вдруг вспомнил один случай из прошлого.

Один из его священников пожалел бедняков и совершил ошибку, уменьшив их ежедневные пожертвования. Он даже пошел на то, чтобы раздавать нуждающимся крестьянам еду, предоставленную Святым Королевством. Салем до сих пор помнил, что ему удалось подслушать, когда он отправился на инспекцию в эту территорию.

«Поистине щедрый человек! Это настоящее Божье благословение, что такой священник существует на этой прогнившей земле!»

Салем вздрогнул. Оскорбление земли ничем не отличалось от оскорбления его самого.

Он продолжил, дрожа от ярости.

«Их истинный хозяин — это я, а они смеют благодарить другого? Хахаха... разве ты не расстроился бы? Я платил за их еду, заботился о них, давал им кров... И даже так... после всего этого, эти глупцы забыли, кому они обязаны жизнью. Как будто у них всех резко развилось слабоумие. Они должны были быть наказаны. Знаешь, что я с ними сделал?»

Выражение лица Салема было гротескным. Он выглядел и звучал как сумасшедший.

«Я их отшлепал».

Произнося эти слова, он истерически смеялся, как будто это величайшая шутка человечества.

Мужчину, сидящего напротив Томы, нельзя было назвать даже просто человеком Божьим, не то что Папой Святого Королевства.

«Я пинал их, топил, развешивал на крестах, сжигал, пытал и заставлял биться в агонии. Всякий раз, когда они кричали "Пощадите меня!", я задавал всего один, один простой вопрос».

Его смех резко прекратился.

«Почему вы не узнали своего хозяина?» — с самодовольной улыбкой закончил Салем Готтшуранш.

Тома сглотнул. Он полностью осознавал, что Папа действительно совершил эти отвратительные преступления именно так, как описал. Он чувствовал правду в его словах.

Заметив выражение лица Томы, Салем махнул рукой.

«…Это всё всего лишь шутка. Почему ты ведешь себя так скованно? Как животные могут кричать "пощадите меня"? Хаха! Господин Герой, я просто хотел разрядить настроение шуткой между друзьями. Не будь таким бесчувственным. Мне тяжело, когда ты воспринимаешь все мои шутки так серьезно».

«Я… извиняюсь. Ты прав».

А вот это была ложь. Тома мысленно застонал. Характер Папы прогнил до ужасающей степени. Понимая это, Тома знал, что ему придется соответствовать настроению Салема, если он надеется избежать его гнева.

Салем резко поднялся со своего места, как бы объявляя о завершение их разговора.

«Ну, ладно, тебе больше не придется беспокоиться о пожертвованиях».

«Что?» — слова Папы в очередной раз сбили Тому с толку.

«Разве мы не друзья? — невинно спросил Салем. — Я даже освобожу детей от налогов, если они окажут мне небольшую услугу. Всё достаточно просто…»

«Нет, я не говорю, что мы не будем платить налоги. Все, что я хочу, это немного больше времени!»

«Господин Герой, — Салем схватил Тому за плечо. — Предоставь это мне. Держи, вот это… — Салем достал из своего мешочка одну золотую монету и положил её на стол. — Это настоящее пожертвование. Этого должно быть более чем достаточно, чтобы покрыть все твои долги. Уверен, что тебе даже что-нибудь останется. Используй остатки по своему усмотрению…»

Салем ухмыльнулся.

«Проделав весь этот путь, я просто обязан пойти и помолиться перед отъездом».

«Слишком… много, — пробормотал Тома. — Это слишком много. Я не могу принять такие

деньги».

«Купи чего-нибудь вкусного для детей. В конце концов, эти дети и мои дети тоже. Но не трать всё это на крестьян. Мне будет больно видеть, как мой подарок тратится впустую».

«Но, это...»

«Разве я не говорил об этом? Хозяин всегда заботится о своих питомцах, — Глаза Папы сузились. — Ах, не пойми меня неправильно. Я — воплощение Святого Королевства! Я просто выполняю свой долг — защищаю свое стадо верных овечек. Это касается и тебя... и домашних животных, которых ты держишь».

Он назвал детей "домашними животными". Даже если Салем был Папой, Тома не мог сделать вид, что не слышал этого.

«Салем».

Тело Салема Готтшуранша напряглось под взглядом Томы. Казалось, что золотые глаза бывшего Героя пронзают его насквозь.

«Знаешь ли ты, какого цвета у тебя сейчас душа? Она чёрная и мутный, как грозовая туча».

Салем до крови прикусил губу. Он всем сердцем ненавидел эти глаза. Глаза, в которых была такая сильная убежденность. Глаза, которые могли видеть его насквозь.

Салем хотел хотя бы избежать встречи с этим взглядом. Взглядом глаз, способных заглянуть в душу и отличить правду от лжи.

— Ω —

http://tl.rulate.ru/book/34317/1751614